

УДК 81'373.612.2:[811.512.154=161.1=411.21]  
DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-10-137-142

**ТРАНСЛЯЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ  
СРЕДСТВАМИ ДРУГОГО ЯЗЫКА  
(на материале кыргызского, русского и арабского языков)**

*М.С. Чинлода*

*Аннотация.* Рассматривается роль метафоры в окружающей действительности человека. Её значимость выявляется путём приводимых в работе примеров, взятых как из повседневной жизни человека, так и из художественных произведений и Священных Писаний. Сопоставительный лингвокультурологический анализ приведённых примеров даёт возможность раскрыть особенности способов познания мира арабского и русского народов сквозь призму метафоры. Особенности процесса метафорического воссоздания и трансляции инокультурной метафоры с русского на арабский язык на примере переводов метафор художественного текста и текстов Священного Писания позволяют углубиться в аксиологию двух языков, сформированную под влиянием культуры, которая отражается в ментально-языковом сознании этноса. Таким образом, метафора – особое явление, вызывающее определённые ассоциации или чувства, которые оказываются недоступными рецепторам иного языка вследствие принадлежности её к иной культуре, где формируются отличное мировоззрение и миропонимание мира.

*Ключевые слова:* метафора; средства образности; образ; мышление; картина мира.

**БАШКА ТИЛДИН КАРАЖАТТАРЫ МЕНЕН  
МЕТАФОРАЛЫК ОБРАЗДЫ ТРАНСЛЯЦИЯЛОО  
(кыргыз, орус жана араб тилдеринин материалдарынын негизинде)**

*М.С. Чинлода*

*Аннотация.* Бул макалада адамдын курчап турган реалдуулугунда метафоранын ролу каралат. Анын мааниси адамдын күнүмдүк турмушунан да, көркөм чыгармалардан жана Ыйык Жазмалардан да алынган эмгекте келтирилген мисалдар аркылуу ачылат. Келтирилген мисалдарды салыштырып лингвомаданий талдоо метафора призмасы аркылуу араб жана орус элдеринин дүйнөсүн түшүнүү жолдорунун өзгөчөлүктөрүн ачууга мүмкүндүк берет. Көркөм тексттин метафораларынын жана Ыйык Жазманын тексттеринин котормолорунун мисалында чет элдик маданий метафораны орус тилинен араб тилине метафоралык кайра жаратуу жана которуу процессинин өзгөчөлүктөрү маданияттын таасири астында калыптанган эки тилдин аксиологиясына тереңдеп кирүүгө мүмкүндүк берет, бул этностун психикалык жана тилдик аң-сезиминде чагылдырылган. Ошентип, метафорасы башка тилдин башка маданиятка таандык болгондугуна байланыштуу башка тилдин рецепторлору үчүн жеткиликсиз болуп калган белгилүү бир ассоциацияларды же сезимдерди пайда кылган өзгөчө кубулуш болуп саналат, мында дүйнөнүн эң мыкты дүйнө таанымы жана дүйнөнү түшүнүү калыптанат.

*Түйүндүү сөздөр:* метафора; образдуулук каражаттары; образ; ой жүгүртүү; дүйнөнүн сүрөтү.

**BROADCASTING METAPHORICAL IMAGERY  
BY MEANS OF ANOTHER LANGUAGE  
(based on the Kyrgyz, Russian and Arabic languages)**

*M.S. Chinloda*

*Abstract.* This article examines the role of metaphor in the surrounding human reality. Its significance is revealed through the examples given in the work, taken both from everyday human life and from works of art and the Holy Scriptures. A comparative linguocultural analysis of the given examples makes it possible to reveal the peculiarities of the ways of understanding the world of the Arab and Russian peoples through the prism of metaphor. Features of the process of metaphorical reconstruction and translation of a foreign cultural metaphor from Russian into Arabic using

the example of translations of metaphors of literary texts and texts of the Holy Scriptures allows us to delve into the axiology of two languages, formed under the influence of culture, which is reflected in the mental-linguistic consciousness of the ethnos. So, metaphor is a special phenomenon that evokes certain associations or feelings that are inaccessible to the receptors of another language due to its belonging to another culture, where a different worldview and understanding of the world is formed.

*Keywords:* metaphor; means of imagery; image; thinking; picture of the world.

**Введение.** Особенность современной науки о языке – выдвигание на первый план человеческого фактора, при описании которого пристальное внимание уделяется языковым средствам, выражающим коннотативные оттенки языковых значений. Такой поворот в языкознании обусловлен тем, что язык является важнейшей характеристикой человека, его конституирующим признаком [1, с. 14]. С учётом этого положения мы подчёркиваем не только ведущую роль коммуникативной функции языка, но и способность языковых средств актуализировать в сознании человека образное видение мира, имеющее в каждом языке свои национально-культурные особенности. К таким средствам относятся языковые единицы, в которых заложена функция оценки: язык и речь способны передавать взгляд, эмоции и чувства. Это обстоятельство обуславливает наличие в языке ряда выразительных средств для создания образности и выразительности речи [2, с. 57], среди которых метафора, как отмечают специалисты, – наиболее изучаемое явление современной лингвистики [3].

**Цель** данной работы – описание способов воссоздания метафорической образности средствами иного языка и выявление посредством лингвокультурологического анализа метафор особенностей восприятия окружающей действительности различными этносами сквозь призму метафоры.

**Материалом** для исследования послужили образы мира, создаваемые языковой, художественной метафорой, а также метафоры Священных текстов.

**Принципы и методы** настоящего исследования представляют собой совокупность подходов теоретико-методологической базы, на чём основываются современные исследования в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии с использованием эмпирических методов анализа.

Применённые в предлагаемом исследовании *методы* сравнительно-сопоставительной

лингвокультурологической экстраполяции позволили исследовать различные способы представления знаний о мире носителей русского, кыргызского и арабского языков через изучение метафор, которые отражают сознание носителей языка. Посредством пропозиционально-фреймового моделирования удалось проанализировать перенесение образа, возникающего в сознании носителей арабского языка на иное лингвокультурное поле, и объяснить его отображение соответствующими функционально-смысловыми выражениями, которые вызывают в сознании носителей другой культуры тот же образ.

**Обсуждение.** Как известно, образность слова создаётся с помощью ряда языковых средств, которые принято в языковой науке называть средствами образности и выразительности, к которым относятся эпитет, метафора, сравнение, олицетворение, оксюморон, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, перифраз, фразеологизм. Они же в свою очередь классифицируются по сходству, смежности и контрасту.

Каждый троп обладает определёнными свойствами, которые различным образом проявляются в разных языках. Если мы рассмотрим некоторые виды троп в таких языках, как кыргызский, русский и арабский, то найдём своеобразное их отражение в языке, которое объясняется не только непосредственно свойствами языка, но и культурой того или иного народа.

В сфере отражения культуры наиболее значимое положение занимает метафора, которая сегодня многими специалистами рассматривается не только как один из видов троп, а прежде всего как “модель когнитивных процессов человека” [4; 5]. Именно поэтому в современной когнитивной лингвистике такие значения метафоры, как “...самый типичный случай переносного значения” [6], “... стилистическое средство или художественный приём, реже – как средство номинации, ещё реже – как способ создания языковой картины мира” [7, с. 3] и др., отходят на второй план. Поскольку сегодня одним

из актуальных методов в когнитивной лингвистике является метод моделирования, современные специалисты в своих научных публикациях в основном делают акцент на изучении и моделировании когнитивных и метафорических процессов.

В связи с тем что понимание метафоры далеко отошло от аристотелевской “фигуры речи”, или “тропа”, в данной работе метафора рассматривается прежде всего как: 1) средство познания, структуризации, объяснения и понимания мира; 2) особенность мировоззрения, миропонимания; 3) фрагмент образной картины мира; 4) результат ментальной операции этноса; 5) способ описания ментально-языкового сознания носителей разных языков и культур.

Следует также отметить, что метафора в разных языках имеет собственную аксиологию и создаёт разные образы мира, помогая интерпретировать и видеть мир по-разному. Так, образ краба носителей японской культуры трогает до слёз, вызывая при этом лирические чувства: ведь это частичка милого их сердцу образа Родины. Но ничего подобного не возникает при чтении этих строк в душах жителей среднерусской полосы. Краб для нас – “...диковинная тварь, норвящая цапнуть за палец, и отношение к ней у нас мало отличается от отношения, скажем, к скорпиону. Какая уж тут лирика!” [8]. Причиной тому – тонкость, сложность, непередаваемость, глубокое своеобразие непонятной, образно-ценностной стороны культурных кодов.

В дискурсе кыргызского языка *күчүгүм* (пер.: щенок) рисует для носителя кыргызской культуры милый образ маленького ребёнка. Таким образом, *күчүгүм* (пер.: щенок), как *краб* для японца, имеет положительные коннотации.

То же самое касается образа красоты, который в русском языке передаётся с помощью метафоры *берёза*. Так, символ России в сознании носителя русской культуры вызывает образ стройной и грациозной девушки. В силу того что в жарких арабских странах не произрастают подобного вида деревья, в арабском языке можно найти метафору с эквивалентным смыслом, но в сочетании со словом *газель* (الغزال). Ведь стройность и грациозность девушки в сознании носителя арабской культуры вырисовывается в образе газели.

Таким образом, язык возникает, развивается и функционирует, по меркам конкретного человека, под влиянием национально-культурного, ландшафтного и хозяйственного пространства, где годами формируется тот или иной этнос. Например, арабский народ отличался воинственностью, а их жизнь – частыми войнами, поэтому главным атрибутом является оружие, то есть меч или копье. Эти значимые предметы для арабского этноса стали активно включаться в процесс метафоризации, ассоциируясь в их сознании со смелостью, с храбростью, силой. О войне, вернувшемся с поля боя, говорили *عاد السيف* (*вернулся меч*). Бесстрашный человек, который готов идти до победного конца, характеризуется фразой *أقسم سي*, что в переводе значит *его меч поклялся*. Учитывая то, что у арабов, как и у многих других народов, принято оценивать человека по его окружению, человек, желающий возвысить своё положение, статус и продемонстрировать себя как сильную личность, может сказать *يعرفني السيف*, что в смысловом переводе означает *я знаком с мечом*. Нередко людей, отличающихся храбростью, называют (*سيف الدولة*) *меч страны*, или *سيف الله* (*меч Аллаха*) и др. [2].

Таким образом, метафору можно рассматривать как своеобразное “зеркало культуры”, отражающее исторические аксиологически значимые культурные особенности разных народов. Это является одной из причин того, что писатели часто отображают картину с помощью метафор. Ведь каждый художественный текст реализует как коммуникативную, так и эстетическую функции. Их разнообразие в художественном тексте, по мнению Н.Д. Арутюновой, связано с тем, что творческая личность старается оттолкнуться от обыденного взгляда на мир, представить что-то в необычном и непривычном для широкой публики свете [9, с. 5–33]. На наш взгляд, писатель в первую очередь исходит из специфики своего языка, в котором национально-культурный колорит художественного текста реализуется через систему используемых метафор.

Особое внимание заслуживают метафорические образы, созданные Ч.Т. Айтматовым. Он, как писатель-билингв, одинаково владеющий кыргызским и русским, успешно применяет метафорические средства двух языков, в результате чего создаются образы на грани

культурно-языковых связей кыргызского и русского, которые доступны для восприятия и понимания носителями кыргызского языка (они в большей своей части двуязычны и погружены как в кыргызскую, так в русскую культуру благодаря советской эпохе) и утрачиваются при переносе на иную лингвокультурную среду. В особенности, когда трансляция образности метафоры идёт посредством арабского языка. Рассмотрим пример процесса метафорического воссоздания и трансляции инокультурной метафоры на арабском языке: “...день *зачался* днём, а ночь *зачалась* ночью” [10]. В русском языке слово *зачать* имеет следующие значения: “1. Стать беременною. 2. Дать начало возникновению, появлению чего-либо” [11, с. 224]. В данном контексте Ч.Т. Айтматов употребил слово *зачать* во втором значении: *дать начало возникновению чего-либо*, что придаёт тексту образный характер благодаря ассоциации с зарождением новой ночи и нового дня. Если обратит внимание на то, как этот образ выражен в арабском тексте, то мы лишь сможем прочесть смысл: [12] أصبح النهار نهارا و الليل ليلا [12], что в переводе означает: *день стал днём, а ночь стала ночью*, так как глагол حمل, или حبل (в переводе “зачать”) в арабском языке не используется в подобных выражениях [13, с. 296]. Таким образом, передаваемая автором образность метафоры контекста, к которому мы обратились, не нашла соответствующее ей отражение в арабском языке в связи с несхожестью культур и особенностями восприятия мира русским и арабским этносами.

Между тем в другом примере в иноязычной культуре воссоздаётся не только смысл выражения, но и яркий метафорично описываемый Ч. Айтматовым фон с помощью интерпретации игры слов. Например: “... с тех пор *бьются* море против суши, суша против моря” [10]. Рассмотрим значения слова *биться* в русском языке: “1. О сердце, пульсе: производить ритмические толчки, пульсировать. 2. Иметь свойство разбиваться. 3. Производить резкие движения, дёргаться. 4. Драться, сражаться. 5. Ударяться, колотиться. 6. Прилагать усилия, добиваться чего-нибудь” [11, с. 48]. В данном контексте автор употребил слово *биться* в пятом значении: *ударяться, колотиться*, что придаёт тексту яркий образ благодаря ассоциации с силой природных

стихий. Обратим внимание, как этот образ выражен в арабском тексте:

و من يومها البحر يصارع اليابسة و اليابسة تصارع البحر [12, с. 177].

В переводе данного контекста использовано слово صارع, что в переводе с арабского означает *бороться*. Данное слово может быть использовано в арабском языке в любом контексте, отображая смысл борьбы. Например: “صارع المرض боролся с болезнью; صارع النفس бороться с самим собой (так говорят, когда человек пытается исправить в себе какой-либо недостаток); صارع الخصم вести борьбу с противником” [14, с. 422; 15]. Таким образом, рассматриваемый контекст можно перевести дословно с арабского языка следующим образом: *с тех пор море ведёт борьбу против суши, суша против моря*.

Эти примеры ясно показывают нам всю сложность и многогранность процесса трансляции метафорической образности художественного текста, где воссозданию образов препятствуют столкновения разных культур, складов мышления, традиции и установки [16].

Если рассматривать трансляцию образов метафор с арабской культуры, то наглядным примером может стать текст Священного писания мусульман, оригинал которого создан на арабском языке. В его тексте метафора играет ключевую роль, с помощью которой формирование образности может осуществляться различными способами:

- по форме: الجبال أوتاد в дословном переводе означает *горы – колышки*;
- по функции: والذاريات ذروا, в дословном переводе значит *несущие тяжести*, подразумевается – *дождевые тучи*;
- по размеру: عرض السماء, в переводе значит *с шириной небес*;
- по цвету: الخيط الأبيض белая нить (рассвет) – الخيط الأسود черная нить (закат);
- по эмоциям: قلوب واجفة – *трепещущие сердца*;
- по действиям: أن تجعل يدك مغلولة – *привязывать руку к шее* (быть скупым);
- по ассоциации: لحنلا – *пчела*, которая ассоциируется с трудящимся человеком, приносящим пользу другим.

Также в Коране можно столкнуться с аятами, понимание которых основывается на осведомлённости читателя не только о культуре

народа, но и о древних традициях, нашедших своё отражение в используемых сегодня метафорах. Например, аят 131 из суры “Аль-Аараф”:

فإذا جاءتهم الحسنة قالوا لنا هذه وإن تصبهم سيئة يطَّيروا”  
 “بموسى ومن معه إلا إنما طائرهم عند الله ولكن أكثرهم لا يعلمون

В рассматриваемом аяте используется выражение *مُطَّيَّرَاتُ* ‘их птицы’, которое в арабской культуре ассоциируется со злом. Это выражение и связанный с ним образ берут своё начало с древних традиций и верований арабов. Здесь, как и во многих других случаях, стоит отметить осведомлённость читателя в области истории древней цивилизации народа и связанных с ней культурных ценностей. Как известно, во времена Моисея арабы верили в колдовство. Были распространены различные виды гадания. Древние арабы, перед тем как начать важное дело, выпускали птиц и по их полёту судили об успешности какого-либо начинания. Полёт птиц в правую сторону знаменовал счастье и успех в деле, влево – несчастья и страдания. Так птицы стали символом гадания.

В рассматриваемом аяте метафора *птицы*, ассоциируясь со злом, несчастьем, бедями и страданиями, которые ожидаются в связи с полётом птиц налево, передают читателю образ людей, которые были вовлечены в гадание и во всё опирались на его исход.

Однако существующие сегодня различные переводы на русский язык передают лишь содержание аята, не выражая образный смысл метафоры. Например:

*Когда ж потом пришло благое (время),  
Они сказали: “Нам причитается сие”.*

*Когда на них обрушивались беды,  
Они по суеверию приписывали их*

*Дурному року Мусы*

*И тех людей, что были с ним.*

*Так знайте! Поистине, их рок дурной*

*Назначен им Аллахом.*

*Но большинство в неведение об этом*

[17, с. 195].

“Когда их постигало добро, они говорили: “Это – для нас”. А когда их постигало зло, они связывали его с Мусой (Моисеем) и теми, кто был с ним. Воистину, их дурные предзнаменования были у Аллаха, но большинство из них не знает этого” [18, с. 104].

В некоторых переводах применяется слово *птицы*:

“Когда приходит к ним добро, они говорят: “Это – нам”, – а когда постигнет их зло, они по птицам приписывают его Мусе и тем, кто с ним. О да! Птицы их – у Аллаха, но большая часть их не разумеет!” [19, с. 136].

Однако попытка переводчиков максимально приблизиться к оригинальному содержанию аята, на наш взгляд, не увенчалась успехом по той причине, что, по данным толковых словарей русского языка, птица не несёт такого же символического значения, как в арабской культуре, а переносный смысл в русском языке не имеет никаких сходств с переносным смыслом в арабском языке.

**Выводы.** Сопоставительный анализ вышеизложенных примеров свидетельствует, что стилистические особенности текста могут побудить к изменению типа предложения. В особенности метафора, которая является средством познания, структуризации, объяснения и понимания мира; через неё отражается образная картина мира народа, но в процессе трансляции не всегда отображается на другом языке так, как рецепторами оригинала. Метафора может вызвать определённые ассоциации или чувства, которые окажутся недоступными рецепторам иного языка вследствие принадлежности её к иной культуре, где формируются отличные не только мировоззрение и миропонимание мира, но и ментально-языковое сознание этноса.

Поступила: 16.04.24; рецензирована: 30.04.24;  
принята: 06.05.24.

#### **Литература**

1. Бейсембаев А.Р. Лексико-грамматические маркеры текстового эгоцентризма / А. Бейсембаев. Павлодар: Тип. Сытина, 2015. 180 с.
2. Чинлода М.С. Тропеические средства выразительности и образности в русском и арабском языках (на материале переводов Корана на русском языке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.С. Чинлода. Бишкек, 2023. 191 с.
3. Осокина С.А. Лингвистические исследования метафоры: краткий обзор / С.А. Осокина, В.Н. Карпухина, Е.А. Савочкина // Мир

- науки, культуры, образования. Россия, г. Горно-Алтайск, 2021. № 4 (89). С. 423–427.
4. *Калинин О.И.* Дискурсивная метафора и метафора в дискурсе: к вопросу о дискурсообразующей роли когнитивной метафоры / О.И. Калинин // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 213–219.
  5. *Песина С.А.* Метафора как модель когнитивности и конвенционализации смысла / С.А. Песина, О.Л. Зимаева, К.А. Козлова // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 25–50.
  6. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание / А.А. Реформатский. М.: Аспект Пресс, 2001. 83 с.
  7. *Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.
  8. *Савицкий В.М.* Лингвокультурные коды: к обоснованию понятия / В.М. Савицкий // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. № 2. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-55-62.
  9. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс. Теория метафоры / Н.Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. 498 с.
  10. *Айтматов Ч.Т.* Пегий пес, бегущий краем моря / Ч.Т. Айтматов // И дольше века длится день. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. С. 579–656.
  11. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: ООО “ИТИ Технологии”, 2003. 939 с.
  21. شينغيز أيتماتوف، الكلب الأبلق الراكض على حافة البحر، الطبعة الأولى، منشورات الجمل، بيروت-بغداد 2015، ص288 (Айтматов Ч.Т. Пегий пес, бегущий краем моря / Ч.Т. Айтматов. Бейрут-Багдад: Маншурат Аль-Жумаль, 2015. 288 с.
  13. *Баранов Х.К.* Русско-арабский словарь / Х.К. Баранов. М.: Русский язык, 1981. 968 с.
  14. المنجد في اللغة و الإعلام، بيروت: دار المشرق، 6891، ص1014. (*Аль-Мунжид*. Толковый словарь арабского языка / Аль-Мунжид. Бейрут.: Дар Аль-Машрик, 1986. 1014 с.
  15. Аль-Маани: электронный толковый словарь арабского языка “المعاني”. URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/arar/%D8%B5%D8%A7%D8%B1%D8%B9/#:~:text=1%20-%2%D8%A3%D8%B5%D8%A7%D8%A8%D9%87%20%D8%A7%D9%84%D8%B5%D9%8E%D9%91%D8%B1%D9%92%D8%B9%D9%8F%3%20-%20%D8%A3%D9%8F%D9%87%D9%92%D9%84%D9%90%D9%83%D8%C%20%D9%85%D8%A7%D8%AA%20%D9%85%D9%82%D8%AA%D9%88%D9%84> (дата обращения: 15.04.2024).
  16. *Чинлода М.С.* Способы трансляции образного содержания инокультурной метафоры на арабский язык (на материале повести Ч. Айтматова “Пегий пес, бегущий краем моря”) / М.С. Чинлода // Научные исследования. Кырг. Респ. Бишкек, 2020. Ч. 1. № 4. С. 48–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50077741> (дата обращения: 26.04.2024). ы
  17. *Порохова В.М.* Священный Коран. Пер. смыслов / В.М. Порохова. М.: Рипол классик, 2011. 799 с.
  18. *Кулиев Э.Р.* Священный Коран. Перевод смыслов / Э.Р. Кулиев. М.: Умма, 2007. 676 с.
  19. *Крачковский И.Ю.* Священный Коран / И.Ю. Крачковский. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 544 с.